

Добравшись до ближайшего порта, они вскоре сели на борт браавосского торгового судна, направлявшегося в Королевскую Гавань. Они с Вайлой были единственными женщинами на борту и привлекали голодные взгляды разношерстных гребцов, когда проходили под палубой. Но как только они устроились в каюте, она показалась им простой, но удобной. Две узкие паллетные кровати были прикручены к полу, а колыбель Джона они взяли с собой из Башни Радости, но места между ними было достаточно. Над головой с потолка свисала масляная лампа на ржавой цепи, которая скрипела каждый раз, когда корабль раскачивался. Каютный мальчик предложил ей помочь с крепким ящиком, но она вежливо отказалась. Вместо этого ей удалось засунуть его под кровать, чтобы он не мешал всем.

Как только Джон и Уайлла устроились, она присоединилась к брату на палубе. Они вместе наблюдали, как дорнийское побережье проплывает мимо и исчезает вдаль. Несмотря на то, куда они направлялись, ноша с плеч спала, когда они оторвались от суши, и на месте скал осталось лишь открытое море.

"Если я останусь в Винтерфелле, люди быстро догадаются о правде", - сказала она, повернувшись к брату.

"Я бы солгал, если бы сказал, что не беспокоюсь об этом", - ответил он. "Но в любом случае есть шанс, что люди узнают правду".

"Вероятность этого значительно уменьшится, если меня там не будет", - заявила она. Налетевший морской бриз разметал ее волосы по лицу. Она откинула их назад, и ей пришлось придержать их. "Если я появлюсь с новорожденным ребенком на руках после почти двух лет... пребывания с Рейегаром, люди будут говорить, сколько бы ты ни повторяла, что Джон твой. Ты можешь вытатуировать это на своем лице, а люди все равно будут шептаться за нашими спинами. Но если меня там не будет, это будет выглядеть так, будто меня никогда и не было".

Эддарт промолчал. Да и не нужно было: она и так видела, что он уже думает об этом. Это был единственный изъян в их плане. Прикрытие Джона должно было быть глубоким и непроницаемым.

"После того как я снял осаду Штормового Предела, Роберт послал Станниса захватить последнюю семью Эйериса на Драконьем Камне, - объяснил он. "Рэйла беременна".

"Рейегар сказал мне об этом, когда мы виделись в последний раз", - ответила она. "Должно быть, она уже близка к сроку".

Эддарт пожал плечами. "Не могу сказать. Станнис - жесткий человек. Хрупкий. Долг для него превыше всего, но все же я не могу представить его убивающим ребенка и беременную женщину".

Он имел в виду Визериса, другого принца Таргариенов, засевшего на Драконьем Камне. Она глубоко вздохнула, вдыхая соленый морской воздух. "Послушал бы меня Роберт, если бы я умоляла его отозвать собак?"

"Год назад я бы сказал "да", - ответил Эддард. "Но год назад я тоже считал, что нам никогда не придется этого делать".

"Но как обстоят дела сейчас?" - продолжала она. "Ты сказал мне, что он разорвал эту страну на части ради меня, но что это значит, если он не перестанет разрывать эту страну на части ради меня?"

Он был достаточно честен, чтобы пожать плечами от неуверенности. "Он сделал это из злости, потому что не получил тебя. Возможно, это не совсем то же самое, что делать это "ради" тебя".

"Я так и думала", - тихо сказала она. "Что бы ни случилось, Нед, я не могу позволить ему продолжать. Я должна поговорить с ним, умолять его позволить Рэйле и детям уйти с миром. И пусть они спокойно доживают свои дни. Раз уж Станнис теперь лорд Штормового Предела, может быть, нам даже удастся уговорить Роберта позволить Рэйле взять Драконий Камень?"

Нед весело рассмеялся. "Я забыл сказать тебе, сестра, Ренли теперь лорд Штормового Предела. Если Станнис сам получит Драконий камень, он должен считать себя счастливым".

"Ренли?" - повторила она в ужасе. "Нед, ему восемь лет. Станнис - взрослый мужчина. По всем законам наследования и престолонаследия Штормовой Предел должен быть его".

"Штормовой Предел принадлежит Роберту, и он может отдать его тому, кому захочет", - мягко поправил ее Нед. "И он отдал его Ренли".

Лианна ничего не сказала, а Эддард глубоко вздохнул и добавил: "Ты же знаешь Роберта. Он не из тех, кто слишком заботится о традициях или праве. Он идет по пути, который выбирает сам".

Когда Лианна вернулась в свою хижину, она обнаружила, что и ребенок, и Уилла крепко спят. Она легла сама и закрыла глаза, но ей не повезло, и она стала ворочаться вместе с кораблем. В лучшем случае она просто дремала. Все это время Роберт играл в ее голове, вырывая ее из сна.

Отбросив всякую надежду на сон, она поднялась среди ночи и проверила свой ящик. Это был тот самый ящик, который она не позволила каютному мальчику убрать под палубу. Все документы были в нем. Ее брак с Рейегаром, извещение о рождении их сына, на котором было написано неправильное имя, но все же стояла печать Рейегара. Была еще одна, написанная на случай, если ребенок окажется девочкой, но ее можно было только сжечь. Принцесса Висеня была обречена на то, чтобы навсегда остаться лишь далекой мечтой своего теперь уже мертвого отца. Там же лежал свадебный плащ Таргариенов, служивший лишь прикрытием для серебряной арфы, принадлежавшей Рейегару. Это была скорее лира, чем арфа, но все равно она была прекрасна. Возможно, когда-нибудь Джон захочет ее приобрести. В одном из углов шкатулки лежала спрессованная и высушенная голубая зимняя роза, которую она сорвала с короны, подаренной ей Рейегаром после победы в поединках в Харренхолле. При воспоминании о ней ее глаза увлажнились, а зрение затуманилось от непролитых слез. Теперь

небольшую коллекцию памятных вещей дополнял меч Рейегара, подаренный им Ашарой Дейн.

<http://tl.rulate.ru/book/115603/4532031>